

КСЕНИЯ СТЕПАНОВА

Сквозь
СИРЕНЕВЫЙ
ТУМАН

КНИГА ПЕРВАЯ. НУЛЕВОЕ СЕЧЕНИЕ.

Ксения Степанова

Сквозь Сереневый туман.

Книга 1. Нулевое Сечение

<https://litres.ru/74600029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — гениальный кибер-аналитик, который не верит в магию. Она — последняя Хранительница Леса, которая не доверяет никому. Между ними — сиреневый туман, который стал мостом между двумя мирами.

Циан Рейнский привык просчитывать всё. Его мир — это серверные, алгоритмы и безжалостная логика. Но однажды сиреневый туман проникает в его реальность, забирает его в глухую Мещеру и сталкивает с Летицией — дикой, колючей хранительницей древнего Леса.

Лес умирает. Древняя рана — Разрыв — разъедает его корни, грозя уничтожить и этот мир, и мир людей. Единственный, кто может остановить катастрофу — Циан. Он видит магию как живой код, который можно прочесть, переписать, исправить.

Но чтобы спасти Лес, Циан должен научиться чувствовать. Доверять. Любить. А Летиции — впустить его в своё сердце, несмотря на страх и боль.

Они — два мира, которые должны стать одним. Или сгинуть в сиреневом тумане навсегда.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. «Утро в урочище Бармино»	11
ГЛАВА 2. «Стеклянный человек»	15
ГЛАВА 3. «Исчезнувшая деревня»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ксения Степанова

Сквозь Сереневый туман.

Книга 1. Нулевое Сечение

ПРОЛОГ

Москва умирала в восемь вечера. Я смотрел на неё с тридцать седьмого этажа и думал: если бы я писал код для этого города, я бы давно вынес его в отдельный поток и отправил на перезагрузку. Слишком много ошибок. Слишком много шума.

За окнами башни «Федерация» горели огни — реклама, фары, окна. Миллиарды светодиодов, которые создавали иллюзию жизни. Я предпочитал серверную. Там хотя бы лампочки мигали по расписанию.

— Рейнский, ты опять не сдал отчёт по «Гексу»! — голос начальника пробивался даже сквозь шум вентиляции. — Ты там что, спишь?

Я не спал. Я смотрел на экраны. На них текли потоки данных — обычные, скучные, предсказуемые. Терабайты информации, которые я мог прочитать как открытую книгу. Никаких тайн. Никаких сюрпризов.

Кроме одного.

ВНИМАНИЕ: НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ АНОМАЛИЯ В КОНТУРЕ «ГЕКС-7».

Я поправил очки — единственное, что связывало меня с реальностью, — и ткнул пальцем в голограмму. Данные в секторе «Гекс-7» вели себя странно. Они не ломались, не шифровались, не вирусились. Они... пели.

Нет, это была не музыка. Это была структура, похожая на ритм — как будто кто-то дышал внутри моего алгоритма. Я углубился в анализ, отключив внешние раздражители. В ушах зашумела тишина. Я копался в глубинах кода, пока моё сознание не начало сливаться с потоком.

Вот узлы. Вот связи. Вот протоколы.

А потом я почувствовал это.

Сначала — холод. Не сквозняк, нет. Холод, который поднимался от пола, как будто я стоял на люке, за которым — бездна. Я оглянулся. Вентиляция работала штатно. Мониторы — все зелёные. Но из-под двери, ведущей в технический тамбур, пробивалась тонкая полоска... сиреневого света.

Он не был ни дымом, ни газом. Он был *промежуточным состоянием* — мерцающим, текучим, как вода, которая решила, что ей надоело быть жидкой. Он полз по полу медленными ленивыми клубами, оставляя за собой странный след: там, где он касался плитки, бетон начинал покрываться узорами. Гербами. Древними знаками, которые я никогда не видел, но почему-то узнавал.

— Что за черт... — выдохнул я.

Голос пришёл не из динамиков. Он пришёл *из тумана*.
«Ты видишь нити, аналитик. Но ты не видишь ткани».

Голос звучал одновременно из прошлого и из будущего. Он переливался, как эхо в колодце, и от него сводило зубы. Я нажал кнопку аварийного отключения. Кнопка провалилась в панель, как будто её там никогда и не было.

— Охрана! — крикнул я, понимая, что это бесполезно. — Вызов группы «Аякс»! Уровень «Красный»!

Тишина. Только туман продолжал прибывать. Он уже окутал столы, поднялся до колен, и теперь я видел, что он не просто газ — он *живой*. Он пульсировал в такт тому самому ритму, который я только что слышал в коде.

Я отступил к окну. За бронированным стеклом простирался город. Там, внизу, среди пробок и вечерней суеты, тоже горел сиреневый свет. Туман просачивался сквозь стены домов, струился по эскалаторам метро, окутывал памятники.

Москва тонула в сирени.

«Не пытайся понять это через логику, Циан», — голос стал мягче, почти человеческим. — «Твой мир — лишь слой. Слой поверх Великого Леса. И туман — это мост. Он зовёт тех, кто умеет читать строки между цифр».

Я чувствовал, как холодок пробегает по моим рукам, но не от температуры — от осознания. Мой анализатор, встроенный в очки, начал выдавать ошибки: «Объект не классифицируется», «Феномен не идентифицирован», «Рекомендует-

ся эвакуация».

Я и сам это знал. Но ноги не слушались.

Туман коснулся моих ботинок. Я хотел отшатнуться, но он уже пополз вверх — по джинсам, по водолазке, по шее. И вместе с ним в мою голову ворвались образы.

Лес. Бесконечный, тёмный, но не страшный. Лес, в котором деревья были сделаны из стекла и света. Тропа, вымощенная мхом и забытыми монетами. И фигура в белом плаще, стоящая на вершине холма, смотрящая прямо на меня.

У неё были серо-зелёные глаза, и они горели золотом.

«Ты — ключ», — прошептал голос в последний раз, уже прямо в голове. — «Твой разум, заточенный под логику, единственный способ взломать стену. Спаси нас. Или сгинь вместе со своим миром. Выбор за тобой. Но туман уже внутри тебя».

Я рухнул на колени. Мои пальцы вцепились в край стола,

который вдруг стал шершавым, как кора старого дуба. Пластик исчез. Металл исчез. Всё вокруг исчезло — серверная, огни Москвы, запах озона.

Я поднял голову.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирался бесконечный сиреневый туман. И в его глубине, едва различимые, горели два глаза. Не глаза человека. Глаза волка. Или древнего бога.

Я хотел что-то сказать — что-то умное, аналитическое, как всегда. Но вместо этого я прошептал:

— Кто ты?

И услышал в ответ шёпот тысячи листьев:

«Я — Лес. А ты — мой последний расчёт».

Серверная опустела. Через час охрана нашла на полу разбитые очки, остывшую кружку чая и странный рисунок на бетонном полу — герб, похожий на переплетённые ветви. Никто не знал, что это значит.

Но в Мещёрском лесу, в сторожке у лесника, девушка с пепельными волосами внезапно подняла голову и посмотрела в сторону Москвы.

— Ну вот, — сказала она пустому дому. — Пришёл. А я и не ждала.

Она усмехнулась — невесело, по-волчьи — и вышла в ночь.

Туман над Мещерой за клубился чуть плотнее. И в нём, совсем тихо, зазвучало что-то похожее на песню.

ГЛАВА 1. «Утро в урочище Бармино»

Я проснулась от того, что лес дышал иначе.

Обычно он дышал ровно — как старый пёс, который свернулся калачиком у печки. Шум ветра в кронах, шелест осин, далёкий крик птицы — всё это был его пульс, его привычный ритм. Я могла лежать с закрытыми глазами и знать, который час, по тому, как шумит вода в ручье за сторожкой.

Но сегодня лес задыхался.

Я открыла глаза. В щель между ставнями пробивался не рассветный, а какой-то странный, сиреневый свет. Он не был ни солнечным, ни лунным — он был *чужим*. Как будто кто-то пролил чернила на небо, и они расплывались, затягивая горизонт.

— Ну вот, — сказала я пустой комнате. — Пришёл. А я и не ждала.

Я усмехнулась — невесело, по-волчьи — и встала с ледянки. Пол под ногами был ледяным — я никогда не топила печь по утрам, не любила тепло, оно расслабляло. Набросила льняную рубаху, натянула сапоги — и вышла на крыльцо.

Туман стоял стеной. Он не был просто белым или серым — он был сиреневым, густым, почти осязаемым, и пах он не сыростью, а чем-то металлическим и сладким одновременно.

но, как старый трансформатор, политый мёдом.

Я спустилась с крыльца, босая (сапоги я скинула сразу, как только ступила на траву — земля должна чувствовать ноги, иначе ты не услышишь, о чём она говорит). Сделала несколько шагов в туман. Он расступался передо мной, но нехотя, как пьяный мужик, которому мешают спать.

— Ты думала, я не замечу? — спросила я, обращаясь к туману, к лесу, к тому, кто стоял за ним. — Думала, я не услышу, как ты ломаешь мои сны?

Ответа не было. Но я знала — он здесь. Где-то там, за этой сиреневой завесой, стоял чужой. Я чувствовала его сознание — оно было колючим, быстрым, как искра, и таким же холодным. Он не был похож на тех, кто иногда забредал в лес — грибников, туристов, искателей приключений. Он был... стеклянным. Прозрачным. И от этого становилось страшно.

Я вернулась в сторожку. Взяла с полки старую кружку с отбитым краем — её сделала моя бабушка, когда я была маленькой, — налила воды из ведра, выпила залпом. Вода пахла мятой и тиной. Это был мой единственный ритуал — утренний глоток, который напоминал мне, что я ещё человек.

А потом я вышла к Стеклянному Дубу.

Он стоял в центре поляны, в двух километрах от сторожки. Местные называли его «Проклятым» и обходили стороной. И правильно делали — потому что он не был просто деревом. Он был сердцем Леса. И сегодня его корни светились изнутри тем же сиреневым светом, что и туман.

— Скажи мне, — прошептала я, кладя ладонь на кору. — Кто он? Друг? Враг? Или просто ещё один, кто хочет меня использовать?

Дуб молчал. Но я почувствовала, как по моим пальцам пробежал разряд — тёплый, почти нежный. Это было предупреждение. Или приглашение.

— Ты с ума сошёл, — сказала я дереву. — Я не собираюсь его искать. Пусть сам придёт. Если выживет.

Я отошла от дуба, села на мох и стала ждать.

Туман клубился вокруг поляны. Где-то в его глубине слышались шаги — неуверенные, тяжёлые, как у человека, который привык ходить по асфальту и впервые ступил на мягкую землю. Он приближался. Я сжимала в руке маленький нож — не для боя, я не умела им драться, — а для того, чтобы было за что держаться.

И когда он вышел из тумана — растрёпанный, в чёрном пальто, с разбитыми очками на пол-лица, — я не удивилась. Я только усмехнулась:

— А ты не спешил, стеклянный человек.

Он уставился на меня. В его глазах — серых, безжизненных — промелькнуло что-то похожее на страх. Или удивление. Или то и другое вместе.

— Где я? — спросил он хрипло. — Что это за место?

Я встала, отряхнула юбку и шагнула к нему. Он сделал шаг назад — и споткнулся о корень. Я остановилась в полуметре, заглянула ему в глаза.

— Ты в Мещере, — сказала я. — В настоящей Мещере, а не той, которую показывают по телевизору. И ты мне должен объяснить одну вещь.

— Какую? — он попытался придать голосу твёрдость, но у него не вышло. Слишком он был растерян.

Я улыбнулась — холодно, почти зло:

— Как ты посмел разбудить Лес? И почему он зовёт именно тебя?

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого просто рухнул на колени. Я не двинулась с места, пока он не потерял сознание. Потом подошла, присела рядом, дотронулась до его виска. Кожа была горячей. Пульс — быстрым, сбивчивым.

— Бабка говорила, что дуракам везёт, — пробормотала я, — но чтобы настолько...

Я подняла его — он оказался лёгким, как пустая коробка — и потащила в сторожку. За нами по пятам полз сиреневый туман. Лес вздыхал. И где-то в глубине, совсем далеко, запела птица, которой не должно было быть в этих краях.

Начиналось что-то, что я не могла просчитать. И это пугало меня больше всего.

ГЛАВА 2. «Стеклянный человек»

Сознание возвращалось к Циану толчками, как прерывистый сигнал в зоне плохого приема. Первое, что он понял — голова раскалывалась. Второе — он лежал на чем-то жестком, пахнущем сушеной мятой и старым деревом. Третье — рядом кто-то был. Он чувствовал этот взгляд — пристальный, изучающий, как сканер, который просвечивает тебя насквозь.

Он открыл глаза.

Потолок был низким, деревянным, с темными балками, на которых висели пучки сухих трав. Свет пробивался сквозь щели в ставнях, но он был странным — не желтым, не белым, а каким-то сиреневато-серым, как будто за окном не утро, а вечные сумерки.

Циан попытался сесть — и чуть не упал. Мир качнулся, как после долгой смены без сна и трех чашек кофе. Рука скользнула по лежанке, и он понял, что она застелена старой домотканой тканью, грубой, с вышитыми красными узорами. Символы были незнакомыми. Но странное дело: глядя на них, он почти понимал их значение. Солнце? Защита? Лес? — Очнулся, значит.

Голос был женским, низким, с хрипотцой, и в нем звенела сталь. Циан повернул голову — и увидел ее.

Она сидела в углу, на табуретке, поджав под себя ноги. На

ней была льняная рубаша навывпуск, на поясе — маленький нож в кожаных ножнах. Волосы — пепельно-русые, почти седые, но у корней с рыжими прожилками, — были собраны в беспорядочный узел, из которого торчали сухие листья и какая-то веточка. Она держала в руках глиняную кружку с отбитым краем и пила из нее маленькими глотками, не сводя с него глаз.

Эти глаза были странными. Серо-зеленые, с золотым ободком вокруг зрачка. И в них, когда она моргала, вспыхивало что-то... нечеловеческое.

— Где я? — хрипло спросил Циан. Горло саднило, как будто он надышался дымом.

Она усмехнулась. Коротко, без тепла.

— Ты в урочище Бармино. В Мещере. В моем доме. Вопрос «почему» оставь при себе — я и так знаю не больше тебя.

Циан попытался встать — и снова едва удержал равновесие. Рука нашарила на поясе карман — пусто. Внутри что-то оборвалось.

— Где мои очки? — спросил он, пытаясь не паниковать. — Там, на дужке, чип — он для меня как...

— Как глаза? — перебила она. — Я знаю, для чего они тебе. Я видела, когда ты упал. Они разбились. Половина линзы вообще осыпалась. Я убрала их на полку, но они теперь — просто стекло. Твоя магия ушла, Рейнский.

Он вздрогнул. Она знала его имя. Он точно не называл

его — он вообще не успел ничего сказать, прежде чем отключился.

— Откуда ты... — начал он, но она перебила снова.

— Откуда я знаю твое имя? Ты говорил во сне. Точнее, кричал. Сначала «Гекс-7», потом — «прости меня». Затем — «Рейнский, фамилия — Рейнский». У тебя там какие-то проблемы с идентификацией личности?

Циан почувствовал, как кровь приливает к лицу. Ему стало неловко, как школьнику, которого застукали за чтением дневника. Он отвел взгляд.

— Это неважно. Скажи, как выбраться отсюда. Мне нужно в Москву. Вызвать помощь. У меня на работе...

— Позвонить не получится, — сказала она спокойно, отхлебнула из кружки. — Ты вообще слышал, что я сказала? Мещера. Глухое урочище. Связи нет. Дорог нет. Машин нет. Только лес и туман.

— Я пойду пешком.

— Смелый, — она улыбнулась, но улыбка была скорее волчьей, чем человеческой. — Костлявый смелый. Только ты не знаешь, куда идти. Ты не слышишь лес, Рейнский. Ты для него — чужой. И туман тебя не выпустит. Он тебя привел, он тебя и держит. Не веришь — попробуй.

Он встал. Качнулся. Сделал шаг к двери. Она не остановила его, только смотрела, отпивая чай.

— Удачи, — бросила она вслед. — Я буду здесь. Если выживешь — приходи. Если нет... ну, лес примет твои кости.

Ему все равно.

Циан вышел на крыльцо и зажмурился. Не от света — от того, что вокруг было слишком много *этого*.

Туман стоял стеной. Сиреневый, густой, почти осязаемый, он окутывал все: землю, деревья, небо. Никаких очертаний. Никаких ориентиров. Только забор из тумана, который тянулся вверх, выше самой высокой сосны, и шевелился — как живой. Он, казалось, *дрожал*, когда Циан делал шаг вперед.

— Черт, — выдохнул он, сделал шаг вниз с крыльца, ступил на мокрую траву. Ноги тут же промокли — сапог не было, он был босиком. Он не заметил этого раньше. — Где мои ботинки?

Ответа не было. Он обернулся — сторожка стояла на месте, маленькая, рубленая, с синими наличниками. Из трубы валил дым. Значит, она не врала — она жила здесь, и, видимо, не собиралась уходить.

Он пошел прямо. Наугад, полагаясь на чувство направления, которое никогда его не подводило. Шаг — туман расступался, но нехотя, как пьяный мужик, которому мешают спать. Еще шаг — и он ушел вглубь, оставляя сторожку за спиной. Трава сменилась мхом, мох — опавшей хвоей, хвоя — грязью.

Он прошел минут пятнадцать. Двадцать. Двадцать пять. И уперся в стену.

Это было невозможно. Он шел прямо, по прямой, но ту-

ман перед ним вдруг стал плотным, как бетон. Он попробовал пройти сквозь — воздух казался вязким, он *не пускал* его, отбрасывал назад, мягко, но настойчиво. Циан попытался обойти — стена тумана тянулась бесконечно, вверх и в стороны. Он шел вдоль нее — десять минут, еще десять, — и ничего не менялось.

Он сел на пень — откуда здесь взялся пень? — и уставился на свои руки.

Странно, но даже без очков-анализаторов он замечал детали. Кончики пальцев чуть дрожали — от холода или от шока. На правой руке, на внутренней стороне запястья, он разглядел тонкую сеть старых шрамов — тех самых, от ожогов, которые он получил в детстве, когда пытался взломать старый сервер на чердаке интерната. Сейчас, при этом странном свете, шрамы казались не просто бледными — они слабо светились, как если бы под кожей тлел уголь.

— Галлюцинация, — сказал он себе вслух. Голос дрогнул. — Это просто сбой. Недостаток сна. Я уснул в серверной, мне это снится.

— Снится? — раздалось у него за спиной.

Циан подскочил. Она стояла в двух метрах, босиком, как и он, с той же кружкой в руках, но теперь кружка была пуста. Она смотрела на него с любопытством, смешанным с раздражением.

— Ты думаешь, я — галлюцинация? Серьезно, Рейнский? У тебя очень богатое воображение, если ты можешь приду-

мать меня, этот туман и старый дуб.

— Кто ты вообще такая? — выкрикнул он. — Где я? Что это за место?

Она подошла ближе, села рядом на корточки. Вблизи он увидел, что у нее под глазами — темные круги, как у человека, который давно не спит, и на правой скуле — маленький шрам, похожий на след от ветки или когтя.

— Меня зовут Летиция, — сказала она. — Я — Хранительница этого леса. Ты наступил на чужую землю, Рейнский. На землю, где законы твои не работают. И если ты не перестанешь искать выход, ты просто умрешь. Заблудишься. Замерзнешь. Или Лес тебя примет раньше.

— Какой еще Лес? — он почти смеялся — от отчаяния. — Ты говоришь, как сумасшедшая.

— Как скажешь, — она пожала плечами, встала. — Хочешь проверить — давай. Я покажу тебе, что такое настоящий Лес.

Она протянула ему руку. Он смотрел на нее — на эту руку, испещренную мелкими царапинами, на ее глаза, в которых горело золото, и понимал: у него нет выбора.

Он взял ее руку. Она была теплой. Слишком теплой для человека, который живет в ледяной сторожке без печи.

— Идем, стеклянный, — сказала она и потянула его за собой.

Она шла быстро, уверенно, и лес расступался перед ней, как занавес в театре. Туман сгустился у них за спиной, но пе-

ред ними — редел, открывая узкую тропу, устеленную мхом. Циан старался запоминать ориентиры: поваленный ствол, гнилой пень, черный камень, похожий на упавшую звезду. Но через пять минут он понял, что запомнить невозможно. Деревья были одинаковыми, тропы расходились и снова сходились, и все вокруг было покрыто тем же сиреневым светом.

— Ты видишь то, что не видят другие, да? — спросила она, не оборачиваясь. — Я чувствую, как ты просчитываешь шаги. Мысленно считаешь. Куда мы идем, сколько шагов, какой угол поворота.

— Это привычка, — буркнул он.

— Не привычка. Это — твоя природа, — она остановилась, обернулась, и он снова увидел золото в ее зрачках. — Ты — тот, кто видит нити. Только не те, что надо. Ты видишь связи вещей — но не чувствуешь их. Ты — как человек, который держит в руках карту, но никогда не ходил по тем дорогам.

Он не ответил. Потому что в глубине души он знал: она права.

Они вышли на поляну. Посередине стоял Дуб. Не такой, как все. Огромный, раскидистый, его кора светилась изнутри — не ярко, а приглушенно, как свеча сквозь тонкую бумагу. Корни уходили глубоко в землю, и они тоже светились, переплетаясь под ногами, как вены.

Циан замер.

— Что это? — прошептал он.

— Это — Стекланный Дуб. Сердце Леса. Он — связь между мирами. Он... — она запнулась, и впервые в ее голосе он услышал не злость, а усталость. — Он ждал тебя. Все эти годы — ждал.

Она подошла к Дубу, положила ладонь на кору, и ствол засветился ярче. Летиция закрыла глаза, и по ее лицу пробежала тень — то ли боли, то ли облегчения.

— Он говорит, что ты — ключ, — сказала она, не открывая глаз. — Что ты должен прочитать код, который записан в его корнях. Если ты не сделаешь этого — Разрыв разрастется, и Лес умрет. А вместе с ним — и твой мир.

Циан хотел сказать, что это бред. Что это все не может быть реальным. Что он просто переутомился. Но он подошел ближе — и его пальцы сами потянулись к коре.

Когда он коснулся ее — мир взорвался огнем и светом.

Он увидел Лес. Не тот, который был сейчас — а Лес, который жил тысячи лет назад. Огромный, могущественный, с деревьями выше облаков. Потом — людей в белых одеждах, которые пели на языке, которого он не знал, но понимал каждое слово. Потом — войну, огонь, и Код, который был вплетен в само мироздание.

А потом — Разрыв. Черный, пульсирующий, как открытая рана, которая годами не заживала.

Он отшатнулся, упал на колени, хватая ртом воздух. Голова кружилась, в ушах звенело. Летиция стояла над ним, и

в ее глазах — впервые — была тревога.

— Ты видел? — спросила она. — Ты понял?

— Что это было? — выдохнул он.

— Это — история Леса. И твой выбор. Ты можешь уйти, Рейнский. Туман отпустит тебя, если ты скажешь «нет». Ты вернешься в свой мир, к своим алгоритмам, к своим серверам.

— А если я скажу «да»?

Она посмотрела на него долго. Потом протянула руку и помогла встать.

— Если скажешь «да» — ты станешь частью этого Леса. И тебе придется научиться чувствовать то, что ты привык вычислять. Это больно, Рейнский. Очень больно.

Он стоял на коленях, смотрел на свои руки, на этот светящийся Дуб, на нее — странную, колючую, но такую живую. И впервые в жизни он не знал, что ответить.

— Дай мне время, — сказал он тихо. — Я должен подумать.

Она усмехнулась, но в этот раз — мягче.

— Дам. Но учти: Лес не ждет. И туман — тоже.

Она повернулась и пошла обратно, к сторожке. Он поднялся с колен, отряхнул пальто — черное, дорогое, совершенно не подходящее для этого мира — и пошел за ней.

Впервые за много лет Циан Рейнский не знал, какой алгоритм применить. Он просто шел. Туман шептал ему вслед. И в этом шепоте он слышал что-то — как будто сама земля

звала его по имени.

Летиция сидела на крыльце, когда он вернулся. Она чистила ножом палку, не глядя на него.

— Ну что, стеклянный? Решил?

— Я остаюсь, — сказал он. — Пока не пойму, что здесь происходит.

Она подняла глаза, и в них снова вспыхнуло золото. Но теперь — тепловое, почти улыбающееся.

— Добро пожаловать в Мещеру, Рейнский. Держись ближе. И не трогай мой чай.

ГЛАВА 3. «Исчезнувшая деревня»

Циану потребовалось три дня, чтобы понять: он действительно здесь. Не в галлюцинации, не в сбое системы, не в цифровой симуляции. Он — в настоящем лесу, в настоящем мире, где нет ни интернета, ни электричества, ни даже нормальной розетки.

Он проверил всё. Несколько раз.

Первый день он пытался найти выход. Вышел из сторожки, пошёл на восток — или туда, где, как он предполагал, должен быть восток. Через час упёрся в стену тумана. Повернул на север — то же самое. На юг, на запад — везде была бесконечная сиреневая стена, которая не пускала его дальше определённой точки. Он потратил шесть часов, прошёл, по его подсчётам, около двенадцати километров, но каждый раз возвращался к одному и тому же месту: старому пню с раздвоенной вершиной, на котором сидела ворона и смотрела на него с явным презрением.

— Ты что, издеваешься? — спросил он у вороны. Ворона каркнула и улетела. Это был единственный ответ.

Второй день он посвятил анализу. Сел на крыльцо, достал из кармана блокнот — единственное, что осталось при нём, кроме разбитых очков, — и начал записывать. Время, погода, направление ветра, поведение тумана. Он заметил, что туман сгущается к вечеру, становится плотнее и почти не

пропускает свет. Утром же он редел, и тогда можно было разглядеть небо — серое, тяжёлое, но без облаков.

Он также заметил, что туман пахнет по-разному. Утром — как мокрый мох и сосновая смола. Днём — как сухая трава и дикий мёд. Вечером — как железо и озон, почти как в его серверной.

Это настораживало.

Но больше всего его настораживала Летиция.

Она не пыталась его контролировать. Не следила за ним. Не задавала лишних вопросов. Она просто жила своей жизнью: вставала на рассвете, выходила в лес, возвращалась через несколько часов с полной корзиной трав или грибов, молча варила похлёбку, пила свой чай с отбитой кружки, чинила крышу или плела какие-то корзины из ивовых прутьев. Иногда она сидела на крыльце и смотрела в туман так долго, что Циан начинал думать, что она уснула с открытыми глазами.

— Ты что там высматриваешь? — спросил он на второй день, когда она уже час сидела неподвижно.

— Слушаю, — ответила она, не оборачиваясь.

— Что?

— Лес. Он говорит.

Циан хотел сказать что-то язвительное, но сдержался. Он уже понял: с ней бесполезно спорить. Она живёт в своей системе координат, и его логика там не работает.

Но на третий день он сдался.

Она сидела на том же месте, пила свой чай, и в какой-то момент сказала:

— Хочешь, покажу тебе карту?

Он удивился. Карта — это было что-то конкретное. Что-то, что он мог проанализировать.

— Показывай.

Она встала, подошла к нему, села на корточки прямо на землю и взяла палку. Удар — и она начала чертить на влажной земле. Станные линии, круги, переплетения. Она рисовала быстро, уверенно, как будто делала это тысячу раз. Циан смотрел и не мог понять, что это. Не карта, не схема, не чертёж — но в этом было что-то...

— Что это? — спросил он.

Она подняла на него глаза.

— Это — Лес. Не тот, который ты видишь. Тот, который живёт под ним. Корни, тропы, связи между деревьями. Родники, капища, места силы. Это — карта Междумирья.

Он нахмурился. Междумирье — слово из её лексикона, которое он слышал впервые.

— Что такое Междумирье?

— Место, где наш мир соприкасается с вашим, — сказала она, не вставая. — Ты думаешь, что Москва и Мещера — это одно и то же пространство? Нет. Это — слои. Как страницы в книге. Ваш мир — технологичный, железный, гулкий. Мой — живой, дышащий, древний. Между ними — туман. Он — граница. И он — мост.

— Туман — это мост? — он усмехнулся. — Тогда почему я не могу пройти через него обратно?

— Потому что ты не знаешь, как им пользоваться, — спокойно ответила она. — Ты привык проходить через двери, через рамки, через терминалы. А туман — это не дверь. Это — состояние. Чтобы пройти через него, ты должен стать им.

Слиться. А твой разум — стеклянный, Рейнский. Ты не умеешь сливаться.

Она посмотрела на свой рисунок, провела по нему рукой — и он исчез, как будто его не было.

— Вот, — сказала она. — Я показала тебе карту. Но ты её не увидел. Потому что ты смотрел на неё, а не чувствовал.

Он промолчал. Внутри закипало раздражение — такое знакомое, тёплое, почти родное. Он знал это чувство: когда кто-то говорит тебе, что ты делаешь что-то неправильно, а ты знаешь, что делаешь всё правильно, потому что ты всегда делаешь всё правильно.

Но здесь... здесь он не был уверен.

На четвёртый день он решил попытаться снова. Но не уйти — а понять.

Он взял блокнот, вышел на крыльцо и сел рядом с Летицией.

— Покажи мне ещё раз, — сказал он.

— Что?

— Карту. Твою карту.

Она удивлённо подняла бровь, но промолчала. Встала, снова взяла палку, и снова начертила на земле те же линии. Те же круги, те же переплетения. Циан смотрел внимательно, шурился, запоминал. Через пять минут она закончила.

— Всё, — сказала она.

— Подожди, — он вытащил блокнот и начал перерисовывать. Быстро, старательно, копируя каждую линию, каждый

круг. Когда он закончил, он посмотрел на свой рисунок, потом на её.

Они были одинаковыми.

Но в её рисунке было что-то, чего не было в его. Что-то неуловимое. Как будто его линии были мёртвыми, а её — дышали.

— Почему у тебя по-другому? — спросил он.

— Потому что ты копируешь форму, — ответила она. — А я — содержание. Ты видишь линии, Рейнский. А я вижу, что за ними.

— И что за ними?

Она подошла ближе, взяла его блокнот, посмотрела на его рисунок. Потом взяла палку и провела по бумаге — прямо через его линии. Он хотел возмутиться, но она сказала:

— Смотри.

И он увидел. Там, где она провела палкой, на бумаге остался след — не чернильный, не карандашный, а какой-то светящийся, как будто она оставила на странице кусочек тумана. Линии на его рисунке ожили — они задвигались, переплелись, изменили форму. Теперь это была не просто карта. Это была живая структура, которая дышала, пульсировала, росла.

Циан отшатнулся.

— Что... что это?

— Это — настоящая карта, — сказала она, улыбнувшись. — Код Леса. Ты просил — я показала. Теперь попробуй про-

читать.

Он уставился на рисунок, пытаясь разобрать узор. Это было похоже на язык — но не на тот, который он знал. Символы были странными, древними, и в то же время в них была какая-то логика. Он не понимал её, но чувствовал: где-то в глубине сознания она была заложена.

— Я не понимаю, — признался он.

— И не надо, — она пожала плечами. — Это не для понимания. Это для чувства.

— Я не умею чувствовать, — буркнул он.

— Я знаю, — она усмехнулась. — Ты — стеклянный. Но стекло тоже может треснуть. И через трещины проникает свет.

Она оставила его с блокнотом и ушла в лес. Он сидел на крыльце, смотрел на оживший рисунок и пытался понять, что происходит.

Ничего не получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.